

КЛАНОВОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ НА ЮГЕ РОССИИ В XVII В. (НА ПРИМЕРЕ СТАРООСКОЛЬСКОГО УЕЗДА)

Д.Е. Евсюков,
г. Москва

В статье рассмотрена одна из поведенческих стратегий служилого человека на примере оскольского станичного атамана М. Андреева. Прослежена стремительная карьера из меньших чинов в осадные головы, выделена приоритетная установка на расширение поместных владений как основа обеспечения долгосрочной хозяйственной устойчивости, определены такие факторы успеха при реализации стратегии как социальные и родственные связи с ключевыми фигурами в уездной служебной иерархии, показаны возможности использования служебного положения для успешного разрешения хозяйственных споров и в личном обогащении. Данная работа является началом исследования клановой структуры Старооскольского уезда XVII в.

Ключевые слова и фразы: *Оскольский уезд, служилая корпорация, осадный голова, социальная мобильность, поместье, дети боярские.*

Военная служба предоставляла основные направления вертикальной социальной мобильности для населения южных уездов XVII в., подавляющую массу которого здесь составляли служилые люди. Под социальной мобильностью в контексте данной статьи подразумевается как переход из сословия в сословие (или в терминологии XVII в. – из чина в чин), так и существенное продвижение по служебной лестнице. Так, для казаков и стрельцов возможность верстания в дети боярские являлась привлекательной целью, в случае достижения которой они могли повысить свой социальный статус за счет перехода в более привилегированное сословие служилых «по отчеству» и получения поместных земель¹. В свою очередь для детей боярских вариантом социального лифта являлось занятие ключевых должностей в системе местного самоуправления, что в ряде случаев могло вывести весь род на новую позицию в уездной служебной иерархии.

Изучение населения южных уездов XVII в. в целом и их служилых корпораций в частности в контексте направлений социальной мобильности до недавнего времени не было предметом специального интереса отечественных историков. Отдельные аспекты рассматривались в работах Т.А. Лаптевой, В.Н. Глазьева, Д.А. Ляпина, Ю.А. Мизиса, О.В. Скобелкина и др., в частности исследовались расширение социальной базы детей боярских за счет других сословий², повседневные поведенческие модели населения³, психологические аспекты смены социального статуса переселенцев⁴, деятельность ключевых фигур местной власти⁵.

К.В. Петров обращает внимание на ограниченность использования термина «социальная мобильность» применительно к рассматриваемому периоду российской истории, в том числе в силу фрагментарности исторических данных (например, о динамике дохода), что не позволяет делать надежные, статистически обоснованные выводы⁶.

Вместе с тем, как будет показано ниже, в ряде случаев богатство архивных материалов позволяет провести детальный фактографический анализ жизни конкретного служилого человека. На этом основании представляется перспективным рассмотрение проблематики социальной мобильности на примере карьерного пути отдельных представителей служилого сословия XVII в. с целью выделения характерных стратегий, позволявших обеспечить долгосрочную стабильность жизни для себя и своих потомков. Нет сомнения, что такие стратегии складывались под влиянием мировоззрения, существовавшего в служилой среде, и определялись жизненными установками и целями конкретного индивида, с учетом конкретных выгод и привилегий, которые предоставляли те или иные должности и чины. Одним из показательных в этом направлении является исследование А. Жуковской и Е. Акельева, рассмотревших социальную мобильность на примере севского служилого рода, представители которого, успешно сочетая возможности службы и предпринимательства, всего за несколько поколений продвинулись из казаков в подьячие разрядной избы, а затем были пожалованы в дворянство⁷.

Постановка проблемы может выглядеть следующим образом. Какие варианты социальных лифтов были доступны для служилого сословия в рассматриваемый период и какие из них были наиболее эффективными для достижения долгосрочной стабильности рода? В частности, какие привилегии получал представитель высших должностей в уездной иерархии и в какой степени он мог использовать свое служебное положение? Как родственные отношения между кланами способствовали поддержанию устойчивости в служебной иерархии и помогали решать хозяйственные и личные вопросы?

Гипотеза состоит в том, что существенные улучшения имущественного и служебного положения не обходились без привлечения родственных связей (или иных неформальных отношений), и нередко имели коррупционную составляющую. Н.Ш. Коллманн, проанализировавшая отношения родства в кругу высшей московской аристократии XIV–XVI вв., отмечала, что новые семьи часто укрепляли свое положение в элите за счет брачных союзов⁸. Без сомнения, такая практика транслировалась и на другие слои общества, в том числе на уездные служилые корпорации, где положение в клановой структуре непосредственно влияло на развитие служебной карьеры. Впрочем, отследить такие моменты по документам первой половины XVII века чрезвычайно сложно, так как массовые источники рассматриваемого периода не предоставляют исследователю возможности устанавливать родственные связи между служилыми людьми. Так, по опыту автора, основанному на работе с собственной базой документов по Старооскольскому⁹ уезду (более 300 единиц, среди которых как массовые источники, так и индивидуальные документы – челобитные, судебные дела и т. п.), позволяющей отслеживать различные события первой половины XVII века, включая разнообразные аспекты жизни осколян, упоминания о родственных связях между родами единичны и встречаются чрезвычайно редко. Из нескольких десятков документов, в которых упоминаются фигуранты данной истории, родственные связи удалось обнаружить только в одном, зато эта информация позволила прояснить истинные мотивы их поступков.

В настоящей статье используется такое понятие из социологии, как «поведенческая стратегия», под которой в данном случае понимается часть жизненной стратегии индивида,

устойчивый способ организации его жизнедеятельности в определенной сфере путем концентрации ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели. Поведенческая стратегия включает в себя поведенческие модели как последовательность определенных действий в достижении жизненных целей¹⁰.

Вместе с тем историк, в отличие от социолога, сильно ограничен в изучении подобных вопросов в силу невозможности применения типовых методов социологических исследований (опрос, эксперимент и т. п.) к историческим персонажам. Вместо этого историк вынужден рассматривать личность средневекового человека через призму имеющихся источников, анализируя внешние проявления индивида и пытаясь таким образом понять его внутренние психические процессы¹¹.

В настоящей статье проанализирована поведенческая стратегия одного служилого человека в имущественной и карьерной сфере в контексте его социальных и родственных связей с верхушкой Оскольского уезда. Определен основной ее фокус на расширение своих поместных владений как мерила социального статуса – земля без преувеличения была основным капиталом того времени. Показано, как служебное положение предоставляло возможность разрешения хозяйственных споров в свою пользу. Прослежена стремительная хотя и непродолжительная карьера из станичного вожа в осадного голову. Данная работа является лишь началом исследования клановой структуры Старооскольского уезда XVII в.

Речь пойдет о Мартине (Мартыне) Андреевиче Андрееве. Впервые упомянутый в 1621 г. станичным головой с окладом 100 ч., уже через несколько лет, в 1625 г., он имел оклад 300 ч., а в 1635 г. назначен осадным головой. Достоверных фактов о происхождении М. Андреева не имеется, детей после себя он не оставил. Таким образом, мы имеем редкий пример служилого человека, действующего как бы отдельно от своего рода. Вместе с тем именно этот случай интересен обширным количеством фактографической информации, которую удалось собрать в отношении одного человека, и на этом материале проследить стратегию территориальной экспансии, нередко используемую служилыми людьми¹². Как будет показано ниже, в этом ему помогли родственные связи, деловая хватка и должность, которую ему удалось занять.

Служилая элита Оскольского уезда 1-й половины XVII в.

Рассмотрим ключевых представителей служилой элиты Оскольского уезда первых десятилетий XVII в., в частности тех из них, с которыми происходило взаимодействие М. Андреева.

Осадный голова Тимофей Андреевич Рогинин, имея поместный оклад 700 ч., владел поместьями в четырех селениях уезда общей площадью 267 ч., которые были выделены ему в 1613 г.¹³ Предположительно он прибыл сюда из Белевского уезда, где в 1612 г. полному тезке отделено поместье 200 ч. при окладе 600 ч.¹⁴ Рогинин погиб в конце 1610-х гг., после чего часть поместья было отделено на прожиток его жене – вдове Нениле.

Должность осадного головы в XVII в. являлась значимой позицией в уездной служилой иерархии. Помимо своих основных обязанностей – подготовки города к возможной осаде, он являлся товарищем воеводы и в его отсутствие мог брать на себя различные его обязанности, в частности выделение земель в поместья. Назначение осуществлялось наказом из Москвы, основанием являлись особые боевые заслуги¹⁵.

Еще один видный представитель оскольского дворянства – Яков Мелентьевич Левыкин. Вероятно, имеет мценские корни. Так, в писцовой книге Мценского уезда ок. 1616 г. в д. Левыкина Меньшого городского стана записаны несколько представителей этой фамилии, в т.ч. Яков Милентьев сын¹⁶ (Миленья Васильев сын Левыкин верстан по Мценску в 1596 г.¹⁷). В разборной десятне за 1622 г. Яков не числится¹⁸. Предполагаемый брат, Василий Милентьев сын Левыкин, был отказчиком в Мценске в 1630-х гг.¹⁹ В ряде мценских источников зафиксированы и другие представители рода Левыкиных, но Яков или дети Якова среди них не встречаются, что может служить косвенным подтверждением его перевода в другой уезд.

В Оскольском уезде Яков Левыкин упоминается уже при воеводе С.М. Проестеве, то есть появился здесь не позднее 1619 г. (в более ранних документах фамилия Левыкин не зафиксирована). Согласно выписке из несохранившихся «Оскольских книг письма и дозору Василья Осановича Сараева да подьячего Ивана Борисова лета 7129-го году» владел тремя поместьями общим размером 300 ч.²⁰ В 1623 г. вместе с воеводой раздавал денежное жалование оскольским станичникам²¹. Занимал должность осад-

ного головы (упомянут в этом качестве в документах за 1626, 1627, 1630–32 гг.). Выбирался отказчиком; отправлял отписки в Москву вместо оскольского воеводы. В 1624/25 г. берет в жены вдову прежнего осадного головы Т. Рогинина Ненилу и на следующий год получает ее прожиточное поместье в д. Казачья прость²².

По спискам 1630 и 1632 гг. имел наивысший (на пару с И.М. Прокудиным) оклад в уезде в размере 400 ч. и 12 р. В феврале 1633 г. велено записать его по дворовому списку (первый зафиксированный случай в Оскольском уезде). Однако в июне того же года Левыкин был убит в бое с татарами²³. В Ублинском и Чуфичевском станах за ним остались поместья общим размером 375 ч. Его сын Иван, не откладывая, в том же месяце подал челобитную, претендуя на отцовское поместье²⁴. В июле следующего 1634 г. он был верстан в оклад отца (400 ч. и 12 р.), записан по дворовому списку и получил его поместья. По спискам за 1637 г. он все еще единственный дворовый в Оскольском уезде (прибл. в 1639–40 г. в список дворовых записан также Гаврила Стрельников).

Третий представитель служилой верхушки – Иван Михайлович Прокудин. В 1615 г. сотенный голова с окладом 400 ч., за ним поместье в д. Прокудино (Долгая поляна) Чуфичевского стана. В 1630–32 г. оклад 400 ч. и 12 р., в 1637 г. – 450 ч. и 13 р. (в этот год наивысший в уезде). Выбирался окладчиком. Его племянник Иван Васильевич Прокудин, новик 1627/28 г., при верстании получил оклад 150 ч. и 5 р., к началу 1640-х гг. имел оклад 300 ч. и 11 р. В роду Прокудиных имелись также и другие представители, преимущественно рядовые дети боярские.

К 1620–30-м гг. относится возвышение рода Стрельниковых. Иван Иванович Стрельников в начале XVII в. служил станичным атаманом, затем станичным головой. В 1615 г. за ним «с товарищами» на откупе кабак на посаде, в 1625/26 г. лавка. Поместный оклад при верстании 100 ч. и 5 р. (с придачами – 200 ч. и 6 р.). Неоднократно выбирался окладчиком, владел поместьем 30 ч. в д. Нижней Атаманской. Умер до 1641 г. Его сын Гаврила Иванович Стрельников числится в товарищах таможенного откупщика уже в 1619/20 г.²⁵. Верстан в дети боярские в 1627/28 г. с окладом 200 ч. и 7 р., неоднократно получал прибавки к жалованию за военную службу и выполнение различных поручений, был в плену. Обучен грамоте. Приблизительно с 1639–40 г. записан по дворовому списку. В

1640–50 гг. сотенный голова. На пике карьеры к концу 1650-х гг. оклад составлял 450 ч. и 14 р.

Наконец в контексте рассматриваемых событий нам важен род Кондауровых. В 1615 г. в с. Нижнее Чуфичево проживали дети боярские Федор Деевич и Андрей Данилович Кондауровы, поместный оклад у обоих составлял по 100 ч., размеры поместий – также по 100 ч.²⁶. Оба служили станичными головами. Позже на службу поступают их братья: Родион Деевич, который встречается в списках детей боярских уже в 1630 и 1631 гг. в должности станичного головы, и Степан Данилович, служивший станичным атаманом по меньшей мере с 1631 г., был обучен грамоте.

Ключевым для дальнейшего анализа стали выявленные факты родственных связей между героями повествования. Так, установлено, что женой М. Андреева была сестра Степана и Андрея Кондауровых, Фетинья. Кроме того, оказалось, что жены М. Андреева и Г. Стрельникова также были сестрами (Стрельников называет Фетинью «своякиней»)²⁷. Таким образом, Кондауровы породнились со Стрельниковыми и Андреевым через дочерей Данилы Кондаурова.

В этом окружении строилась военная карьера Мартина Андреевича Андреева. При непосредственном участии некоторых из вышеперечисленных лиц он и реализовал свою поведенческую стратегию.

Первые успехи

По сохранившимся источникам достоверно установить происхождение М. Андреева не удалось. В уезде известен род детей боярских Андреевых, происходивших из д. Волково Орлицкого стана, однако их родство видится маловероятным (различный ареал проживания и социальное происхождение).

В Оскольской дозорной книге за 1615 г. М. Андреев не упомянут. Впервые он зафиксирован в десятне денежной раздачи оскольским станичникам за 1621 г. в роли станичного атамана 7-й станицы с окладом 4 р., его поручителями были С. Бочарников и Я. Стрельников²⁸. Кроме того, обнаружен документ за 1622 г., в котором заемщиком фигурирует некий оскольский станичный атаман Мартин Андреев сын Латышев, который в 1620/21 г. по дороге в Москву, куда направлялся бить челом о «братцком деле», занял 25 р. у тульского Никитского попа Евсевия, и долг не отдавал²⁹. Ни до ни после этого

случая станичного атамана Латышева в уезде не зафиксировано, а фамилия (прозвище) Латыш, Латышев в последующих документах не встречается, что позволяет предполагать, что речь идет о том же Мартине Андрееве, а Латыш, возможно, было родовым прозвищем Мартина, хотя впоследствии за ним и закрепилась фамилия Андреев.

В качестве одного из предположений можно принять версию происхождения М. Андреева из оскольских станичных вожей. Так, в 1615 г. вожь Михалка Андреев имел в остроге двор для осадного времени. Там же упоминается Ивашка Андреев – племянник станичного вожа М. Занина, а также Федка Андреев – дворник станичного вожа С.Г. Сенюкова. (Впрочем, некоторые из этих антропонимов могут оказаться и обычными отчествами.) Наконец, в этом же году на посаде числится скамья станичного вожа Данилы Латышева³⁰, у которого в 1616 г. были взяты в плен два внука. В последующие десятилетия фамилия Андреев (и Латышев) среди станичных вожей не встречается, что позволяет предположить родство кого-то из упомянутых персон с М. Андреевым.

Приблизительно в 1611 г. М. Андреев берет в жены вдову Фетинью Данилову дочь с шестимесячным сыном Дмитрием. Фетинья была дочерью Данилы Кондаурова, а прежним ее мужем был некий Данила Заплатин. М. Андреев принял пасынка Дмитрия как сына, в 1630 г. тот был верстан в дети боярские с окладом 150 ч., однако умер около 1634 г., оставив двух дочерей Мавру и Анну³¹.

Из-за скудной сохранности документов за первые десятилетия XVII в. не удалось достоверно установить точный год начала службы М. Андреева, что произошло, по-видимому, уже после Оскольского разорения 1616 г. В своих челобитных от 1634 г. М. Андреев упоминает эпизоды боев с татарами при прежних воеводах С.М. Проестеве и А.Ф. Наумове, из чего следует, что в 1618/19 и 1619/20 гг. он уже находился на службе. В этих боях он участвовал под командованием головы Якова Левыкина (в данном случае не ясно станичного ли головы, сотенного или осадного)³².

В последующие годы М. Андреев был занят построением военной карьеры, а также агрессивным расширением поместных владений. Последний момент особо интересен и вот почему. Как будет проиллюстрировано далее, М. Андреев следующий метод, действуя при-

мерно по одной схеме: в отношении поместья умершего (погибшего) сына боярского он подавал челобитную (в ряде случаев «составную», т. е. подложную), в которой сообщал, что жена или другие родственники умершего владели этим поместьем без надлежащих документов, или обращал внимание на другие нарушения, и на основании этих аргументов просил отделить это поместье ему. Таких попыток было предпринято как минимум четыре, а именно в отношении поместий Мишустина, Стрельникова, Деминых и Золотухина.

Все описанные далее события разворачивались вокруг трех населенных пунктов Чуфичевского стана: с. Нижнее Чуфичево, д. Нижняя Атаманская и д. Великий перевоз, которые в настоящее время относятся к Старооскольскому городскому округу Белгородской области и расположены на расстоянии 2–3 км друг от друга. Исторически владельцами поместий в д. Нижняя Атаманская (а также в д. Верхняя Атаманская) являлись станичные атаманы. В 1615 г. размеры их наделов составляли по 30 ч. при поместном окладе 100 ч. В д. Великий перевоз помещиками были дети боярские, у части из которых прослеживаются связи со станичными атаманами из Нижней Атаманской. Так, согласно дозорной книге Оскольского уезда за 1615 г. в д. Великий перевоз записаны поместья следующих детей боярских: 100 ч. – Игнат Мурзин сын Стрельников (сын станичного атамана), по 70 ч. – Филипп Константинов сын Мишустин (сын станичного атамана) и Иван Гаврилов сын Золотухин (у него же поместье в с. Верхнее Чуфичево), по 40 ч. – Должиков и Куколов³³.

В 1619 г. М. Андреев и другой станичный атаман Яков Стрельников (поручитель М. Андреева по десятне 1621 г. и дядя его свояка Г.И. Стрельникова) подали челобитную, в которой просили отделить им поместье Филиппа Мишустина – пустошь 70 ч. в д. Великий перевоз. Они ссылались на то, что Филипп не верстан, «государевой службы не служил», владеет этим поместьем без государевой грамоты, живет с братом, станичным атаманом Василием, в поместье отца в д. Нижняя Атаманская, а поместье в Великом перевозе «лежит впусе».

В ноябре того же года оскольскому воеводе А. Наумову направлена государева грамота, которую сам же Я. Стрельников и привез в Оскол в апреле 1620 г. Велено отделить Андрееву и Стрельникову по 25 ч., а 20 ч. оставить Мишустину на прожиток, поскольку он был

увечен. Из дальнейших пояснений М. Андреева следует, что Филипп якобы заявил «де мне та пустошь не надо», поэтому отказчик Я. Левыкин отписал 20 ч. на государя, что зафиксировано в дозорных книгах писца Василия Сараева от 1620/21 г. Впоследствии М. Андреев подал челобитную и на эти 20 ч., присоединив их к своему поместью³⁴.

В 1624/25 г. Яков Стрельников умирает (либо погибает), оставив жену и малолетнего сына. Несмотря на это М. Андреев в январе 1626 г. бьет челом – просит отделить ему и поместье своего товарища Якова, ссылаясь на то, что жена с сыном владеют им «не по даче и не по грамоте, самовольством». В феврале он получает эти 25 ч.³⁵, о чем в Москве 1 февраля «запечатана грамота» оскольскому осадному голове Я. Левыкину³⁶. Таким образом, все поместье Ф. Мишустина размером 70 ч. в д. Великий перевоз оказалось у М. Андреева. Эту пустошь М. Андреев распахал и обустроился здесь двором. Согласно перечневому списку из книг В. Племянникова от 1626–28 гг. за М. Андреевым числится поместье уже 100 ч., в котором 2 двора крестьянских и 2 бобыльских³⁷. Из последующего делопроизводства видно, что отказные книги, по которым он получил это поместье, сгорели в московский пожар 1626 г., хотя соответствующие грамоты оскольским воеводам сохранились в приказной избе.

Однако Мишустины не могли просто так смириться с отъемом их земельной собственности. По-видимому, именно вышеописанные действия М. Андреева стали причиной мести и сожжения его избы братом Ф. Мишустина Василием. В материалах Приказного стола сохранилась жалоба М. Андреева, поданная на В. Мишустина 02.10.1624, о поджоге последним избы М. Андреева в конце марта того же года («с Светлого воскресения под понедельник в ночи»). Из дела не ясно, где именно находилась изба М. Андреева. Возможно, речь идет о д. Нижней Атаманской, где проживали станичные атаманы, в т. ч. В. Мишустин. Здесь М. Андреев упомянут в 1643 г. как бывший владелец поместья атамана С. Г. Рощупкина размером 30 ч. (впрочем, по дозорной 1615 г. и перечневому списку 1626–28 гг. оно еще числится за И.И. Стрельниковым)³⁸.

Согласно документу, сгорела его новая изба в четыре сажени стоимостью в 8 р. Из дела узнаем, каким еще имуществом владел М. Андреев. Так, во время пожара у него сгорели складной

крест на рези с мощами святых, 55 ульев с пчелами с пчельника позади избы, 4 саней, 4 телеги, 50 лубков, 50 липовых и дубовых досок и дубовый тын. Общая стоимость дома и имущества по иску составила 66,5 р. 9 октября последовала грамота оскольскому воеводе доставить В. Мишустина в Москву к ответу перед дьяками³⁹ (продолжения этого эпизода не обнаружено).

Таким образом, можно заключить, что М. Андреев к тому времени уже был довольно зажиточным помещиком. Источником богатства мог быть его торговый бизнес. Так, согласно оброчной книге Оскольского уезда за 1625/26 г., М. Андреев имел на посаде полук (прилавок), а его делами управлял дворник Куземка Веркашанский, который и заплатил торговую пошлину в размере 3 коп. («6 денег»)⁴⁰.

Верстание в дети боярские и новые приобретения

В 1625 г. по государевой грамоте из Разряда оскольскому осадному голове Я. Левыкину оклад М. Андреева увеличивается до 300 ч.⁴¹. Возможно, в этот год он был верстан в дети боярские за какие-то боевые заслуги и занял должность станичного головы. Согласно сложившейся практике с целью поверстания в дети боярские за отличия на поле боя претендент подавал соответствующую челобитную на имя государя. Упомянутая выше грамота (текст не сохранился), по-видимому, представляла результат принятого по этому вопросу решения. Возросший поместный оклад дал М. Андрееву возможность претендовать на дополнительные поместные дачи от государства, чем он поспешил воспользоваться.

В феврале 1627 г. М. Андреев с родственником своей жены, станичным головой Родионом Кондауровым, подают челобитную об отделе им поместья в д. Великий перевоз размером 70 ч., принадлежавшего Ивану Золотухину, которого в Оскольское разорение 1616/17 г. убили литовские люди. Они мотивируют свою просьбу тем, что жены и детей у Ивана не осталось, а эта пустошь никому не отдана. В апреле того же года воеводе было предписано отделить эту землю челобитчикам⁴². По перечневому списку В. Племянникова за 1627/28 г. поместье уже числится за М. Андреевым и Р. Кондауровым.

Однако, из других документов узнаем, что у Ивана Золотухина был сын Филат, которого челобитчики утаили. Это тем более удивитель-

но, если учесть тот факт, что недорослю Филату еще в 1624 г. «запечатана» ввозная грамота на поместье умершего отца⁴³. Вероятно, будучи осведомленным об этом, М. Андреев применил здесь иную тактику. В июне 1627 г. с Филатом Золотухиным была подписана зарядная запись (договор, предусматривающий неустойку за нарушение его условий), согласно которой Филат поступается поместьем своего отца и обязуется не бить на них челом, в противном случае должен уплатить неустойку 100 р. Отметим, что зарядную запись писал свояк М. Андреева Г.И. Стрельников⁴⁴.

В последующие годы М. Андреев продолжает практику расширения своих поместных владений. Так, в декабре 1629 г. ему отделено поместье Фирса и Захара Деминых в с. Нижнее Чюфичево в размере 66 $\frac{2}{3}$ чети⁴⁵. Вероятно, этот успех его вдохновил, так как уже через две недели М. Андреев подает новую челобитную, в которой просит отделить ему поместье Игната Стрельникова в д. Великий перевоз размером в 100 ч. Основания излагаются по наработанной схеме: Игнат был убит в 1616/17 г., у него остались жена и сын Степан, за которыми писец В. Племянников и записал это поместье в 1627/28 г. Жена вышла замуж за пушкарского сына, а сын на следующий год, «умысля с матерью своею и с вотчимом», продали поместье оскольским детям боярским Кузьме и Дружине Мишустиним. В то время Кузьма уже владел поместьем в 100 ч. в с. Нижнее Чюфичево («оклад его сполна»), а Дружина в службу не верстан. М. Андреев ссылался на государев указ, по которому «поместий продавать и сдавать не велено», а также на то, что Мишустины на это поместье челобитной не подавали и владеют им «без дач и государевой грамоты», поэтому просил отделить это поместье ему. Вероятно, в данном случае сказалась и давняя вражда с кланом Мишустинных.

В июне следующего 1630 г. в Чюфичевском стане проведен сыск, на котором присутствовали 58 человек служилых людей, преимущественно дети боярские, которые подтвердили слова М. Андреева. Среди прочих обыскные речи заверили своими подписями Г. Стрельников и С. Кондауров (свояк и шурин), а в январе 1631 г. они с отпиской осадного головы Я. Левыкина были доставлены в Москву⁴⁶. Продолжения этого дела также не выявлено, однако из последующих документов видно, что решение по нему было принято не в пользу М. Андреева.

Поместье осталось за Степаном Стрельниковым, который был верстан в дети боярские в 1633/34 г. с окладом 100 ч. и в апреле 1636 г. получил на это отцовское поместье ввозную грамоту. То же касается и поместья Деминых в с. Нижнее Чуфичево, которое по писцовой книге 1643 г. числится за их родственниками⁴⁷.

Фортуна изменяет Андрееву

К началу 1630-х гг. (вероятно, уже с 1625 г.) М. Андреев – станичный голова, в 1631 г. он возглавлял 5-ю станицу⁴⁸. События последующих 1632–34 гг. свидетельствуют о том, что над М. Андреевым постепенно начинают сгущаться тучи. К этому периоду относятся судебные процессы с Мишустиним и Золотухиним. Вероятно, произошло какое-то значимое событие, повлиявшее на ход реализации его стратегии территориальной экспансии путем захвата поместий соседей. Все это время М. Андреев по-прежнему числится станичным головой. Так, по списку от 05.07.1634 он возглавлял 14-ю станицу⁴⁹.

В начале 1632 г. Ф. Мишустин подает челобитную на М. Андреева, в которой обвиняет последнего в том, что тот обманом завладел его поместьем и «согнал» его оттуда. Однако на основании представленных Я. Левыкиным грамот права М. Андреева были подтверждены, о чем воевода Хрущов отписал в Москву в ноябре. Кроме того, в процессе разбирательства выявлены злоупотребления разрядным подьячим, а именно предоставление им ложных сведений о службе Ф. Мишустина. На этом основании согласно государевой грамоте из Москвы в январе 1633 г. Мишустину в продолжении дела отказано⁵⁰.

Впрочем, в ноябре 1634 г. по поручению уже воеводы К.М. Пущина упомянутое выше поместье в размере 70 ч., было все-таки отказано Ф. Мишустину, причем отказчик «Мартина Андреева и его людей из того поместья выслал вон»⁵¹. М. Андреев в свою очередь не оставил это без внимания и подал еще одну челобитную. Об этом свидетельствует очередная грамота, направленная оскольскому воеводе уже в конце ноября с предписанием доставить Ф. Мишустина для суда в Москву⁵².

Почти одновременно с делом Мишустина началось продолжительное судебное разбирательство и в отношении вышеупомянутого поместья Золотухина в д. Великий перевоз (70 ч.)⁵³.

В мае М. Андреев и Р. Кондауров перед воеводой подали иск на Ф. Золотухина и М. Попова (брат Золотухина, подписавший за него зарядную запись). Однако несмотря на это в октябре того же года поместье, «что по ложному челобитью отдано было» Андрееву и Кондаурову, воеводой Я. Хрущовым отказано сыну Ивана Золотухина Филату. В поместье двор помещика, на дворе изба и сенница, городьба дворовая и гуменная, да крестьянский двор⁵⁴. Что показательно, отказчиком выступил станичный голова Кузьма Мишустин из с. Нижнее Чуфичево (по-видимому, родственник упомянутым выше Мишустиним).

Рассмотрение же судебного дела тем же воеводой состоялось в ноябре. Ответчик Попов избрал стратегию отрицания: «такой де мы записи на себя не давали и руки де у записи не наши». Однако после сверки почерков оказалось, что «руки их с руками сошлись». В итоге воевода оправдал («оправил») истцов, а ответчиков обвинил за то, что они зарядную запись «лживили» и велел взыскать с них 100 р. неустойки.

Однако исполнение приговора затянулось. В июне следующего 1633 г. по грамоте из Разряда воеводе велено прислать судное дело в Москву. Очная ставка с Поповым была назначена на конец января 1634 г. («на всеедной недели в понедельник»). Однако в январе М. Андреев бьет челом в разряд, сетуя, что живет в Москве несколько недель в ожидании присылки из Оскола судного дела и ответчика (судное дело с отпиской воеводы и поручными записями по истцу и ответчику поступили в разряд только в феврале). В следующей челобитной, уже летом, М. Андреев сообщает, что «приволокся я к Москве с Оскола для тово суднова дела вершенья», живет в Москве «от тово числа и до Петровни», а истец, увидев его, сбежал в Оскол. Он обращает внимание, что только печатных пошлин по этому делу израсходовал уже на 8 р., поэтому просит скорее завершить дело, длящееся уже третий год, и взыскать с истцов пошлины и неустойку в размере 100 р.⁵⁵ Окончания дела также не выявлено, очередная грамота оскольскому воеводе «запечатана» в Москве 1 июня⁵⁶. Но так или иначе поместье вернулось к Золотухиним: в писцовой книге 1643 г. все 70 ч. снова числятся за Филатом Золотухиним⁵⁷.

Детальный анализ произошедшего в 1632–34 гг. поворота в успешной деятельности М. Андреева позволяет сделать вывод о суще-

ственной роли, которую играл во всей этой истории Яков Левыкин. Хотя родственные связи М. Андреева с ним не выявлены, но его можно считать как минимум союзником и как максимум покровителем М. Андреева. Как упоминалось выше, Андреев служил под его командованием по меньшей мере с 1619/20 г. Левыкин выступал отказчиком поместья М. Андрееву и Я. Стрельникову в 1620 г. и М. Андрееву в 1626 г. В 1630 г. он подписал обыскные речи в отношении поместья И. Стрельникова, на которое претендовал М. Андреев. Наконец, будучи осадным головой, Левыкин вместо воеводы неоднократно отправлял в Москву отписки с этими документами. Когда после челобитья Ф. Мишустина в 1632 г. оскольскому воеводе Я. Хрущову было предписано вернуть ему поместье, «а Мартина Андреева и его людей выслать вон», воевода не смог этого сделать (о чем сообщил в Москву), так как именно Левыкин предъявил грамоты 1620 и 1626 гг., подтверждавшие права М. Андреева на землю.

Однако после гибели Я. Левыкина в июне 1633 г. Мишустину все-таки удалось довести начатое до конца, и вернуть себе свое поместье. Таким образом, смерть протеже М. Андреева и стала тем событием, вследствие которого произошел разворот – она существенно изменила расклад сил и ослабила позиции М. Андреева в местной верхушке, что в итоге привело к разрешению судебных процессов с Мишустинным и Золотухинным не в пользу М. Андреева. Что показательно, после смерти Я. Левыкина именно М. Андреева в январе 1634 г. воевода назначил отказчиком его поместных владений сыну Ивану⁵⁸.

Новый карьерный скачок

Между тем служебные обязанности М. Андреев продолжал исполнять достойно. Так, сохранилось описание боя с татарами при воеводе Я. Хрущове в сентябре 1634 г. на речке Грязной Потудани в 50 верстах от города Оскола, в ходе которого станица М. Андреева отбила у татар 6 русских пленников. В нескольких челобитных он просил выделить поместную и денежную придачу ему и его станичникам «за службы и за убитые мужики»⁵⁹.

По-видимому, этот эпизод и позволил М. Андрееву совершить ключевой скачок в его военной карьере. Так, в списке оскольских служилых людей за март 1636 г. он записан уже в должности осадного головы с окладом 300 ч.⁶⁰

Согласно помете в документе за 1637/38 г. при том же поместном окладе он получил прибавку 1 р. к прежнему денежному окладу 11 р. «за осадную службу 1635/36 г.»⁶¹. Материалы Печатного приказа позволили утончить, что грамота о назначении М. Андреева осадным головой «запечатана» 22.05.1635⁶².

На пике карьеры в 1637/38 г. поместный оклад М. Андреева был одним из наивысших в уезде: такой же кроме него имел только один человек (И.В. Прокудин), а выше лишь двое (400 ч. записанный по дворовому списку И.Я. Левыкин и 450 ч. бывший стрелецкий сотник И.М. Прокудин), денежный оклад был выше лишь у И.М. Прокудина. Нет сомнения, что новая должность могла помочь М. Андрееву возратить утраченные позиции, включая поместье Ф. Мишустина, на котором он уже успел обжиться. Другая причина возврата поместья, по-видимому, заключалась в том, что в Филипп 22.01.1635 был убит (сыном станичного атамана Тихона Горожанкина)⁶³.

Архивные материалы показывают, что уже через полгода после изъятия поместья у М. Андреева, в конце мая 1635 г. тот же воевода Пущин снова отказал это поместье. В усадьбе помещичий двор, на дворе изба, конюшня и клеть, кроме того, за ним числятся 4 крестьянских двора⁶⁴. Усадьба была смежна с владениями Ф. Золотухина. Однако по некоторым сведениям (представленным уже после его смерти вдовой Фетиньей) после назначения осадным головой М. Андреев продал свой дом в усадьбе д. Великий перевоз и жил в городе⁶⁵.

Таким образом, М. Андреев к 1636 г. восстанавливает свои позиции и занимает одну из высших должностей в Оскольской уездной служилой корпорации. В дальнейшем он продолжает службу и параллельно ведет бизнес. Так, в 1637/38 г. он прислал в Усерд приходные и расходные книги хлебных запасов⁶⁶. В том же году по оброчной книге за ним на посаде лавочное место, за которое он уплатил пошлину 6 коп.⁶⁷. Впрочем, в такой же книге за следующий 1638/39 г. он уже не числится⁶⁸. Этому есть объяснение: М. Андреев записан умершим («в живот не стало»), а его жена Фетинья вдовой уже в январе 1639 г. В одной из челобитных Фетинья сообщает, что муж умер, находясь на службе осадным головой⁶⁹.

За поместье разгорелась нешуточная борьба. В январе 1639 г. на него претендовали М.Б. Сторожев и жена М. Андреева, вдова Фетинья,

которые подали челобитные почти одновременно. Часть поместья 30 ч. в апреле 1639 г. была отдана Фетинье «на прожиток» вместе с двором М. Андреева и одним из четырех крестьянских дворов. Вторая часть в размере 55 ч. досталась Сторожеву. На отказе присутствовал и бывший недруг, Филат Золотухин, поместье которого располагалось рядом («места под огороды и гумна возле Филата Золотухина») ⁷⁰. Имеется также более поздняя запись об отказе 05.10.1640 Фетинье на прожиток 30 ч. из поместья ее мужа ⁷¹, а 29.03.1643 ей выдана на него ввозная грамота ⁷². Согласно принятой в то время практике вдовам полагалось выделять прожиточное поместье в размере 10% от поместного оклада мужа, а тем, которые погибли на службе – 20% (к последней норме безуспешно апеллировала Фетинья в одной из челобитной).

Что показательно, на следующий год в августе 1640 г. надел Сторожева был отказан уже Марье – вдове того самого Филиппа Мишустина, с двумя детьми (отказчик И.Я. Левыкин) ⁷³. Так, земля, ставшая предметом непримиримого спора при жизни служилых людей, после их смерти была поделена между их женами.

Однако распри продолжались еще несколько лет. Фетинья подает ряд челобитных, в чем ей помогают брат С. Кондауров и свояк Г. Стрельников ⁷⁴. В 1640 г. она спорит с Ф. Золотухиным по поводу местоположения усадебной земли ⁷⁵. В 1645 г. уступает поместье племяннику М.А. Кондаурову ⁷⁶.

Мартина Андреева можно назвать своеобразным «олигархом» своего времени, который привык решать свои имущественные вопросы при помощи связей наверху, таким образом выстраивая свои отношения с сослуживцами. Вдова Ф. Мишустина Марья в челобитной 1640 г. сообщает, что «Андреев – человек богатый», завладел поместьем ее мужа ложным «составным» челобитьем, а у воеводы «подкупился», чтобы тот не пускал Марью в Москву, куда «она с детьми хотела брести ... и о том поместье бить челом государю», чтобы пожаловал ее с детьми после убийства мужа в 1635 г. ⁷⁷

Вместо заключения

Примеры, рассмотренные выше, показывают, что «отъем» поместья (завладение путем подложной челобитной) был эффективным способом укрепить свое имущественное положение. При этом важное значение имела оператив-

ность подачи челобитной: первый податель как правило получал существенное преимущество. Неслучайно Иван Левыкин бил челом на поместье отца менее чем через месяц после его гибели, вероятно предвидя, что претендовать на это поместье будет не он один. Большое значение имели и отношения с воеводой, который мог чинить различные препятствия и, например, не отпустить неугодного ему человека с челобитной в Москву.

Что же сыграло ключевую роль в такой стремительной карьере М. Андреева? Было ли это богатство, приобретенное в ходе торговых операций, занятая высокая должность, или родственные (и иные социальные) связи с другими представителями служилой верхушки?

В том, что станичный атаман вел торговлю на посаде, не было чего-то особенного. Такие случаи не единичны: помимо казаков, стрельцов, а также ездовых и вожей в оброчной книге за 1625/26 г. упомянуты и другие станичные атаманы, имевшие промыслы, лавки и полки (у всех делами управляют дворники, поскольку сами атаманы проживали в уезде). Рассмотрим, удалось ли им добиться существенных успехов и продвинуться по служебной лестнице. Так, Петр Захаров имел два полка-прилавка и промысел (пошлин по 10 коп. с полка и 3 коп. с промысла); он продолжал торговлю и в 1640-е гг., но оставил военную службу. Василий Обьедков имел наемную лавку (оброк 10 коп.), служил атаманом до 2-й пол. 1630-х гг. Упомянутый выше Василий Мишустин имел промысел (6 коп.) и также прослужил на прежней должности до 2-й пол. 1630-х гг. Кроме того, лавки имели станичные атаманы Тимофей Попов (6 коп.), Семен Горяинов (10 коп.), Свирид Винников (6 коп.) ⁷⁸. Для сравнения в Белгороде в 1624 г. ставки оброка колебались от 5 до 25 коп., а средняя ставка составляла с лавок – 8 коп., с полков – 9 коп., со столов – 5 коп. ⁷⁹. Как видим, все атаманы, судя по размеру оброка (большего чем у М. Андреева), возможно, были даже более успешны в торговле на тот момент, но почти все они сохранили свой социальный статус. Продвинуться из них удалось лишь Горяинову, который в конце 1640-х гг. был верстан в дети боярские.

Помогла ли в карьере должность осадного головы? Безусловно да. Но была ли она ключевой? Для ответа на этого вопрос рассмотрим карьеры нескольких оскольских служилых людей, которых назначали осадными головами. Выше были показаны уровни поместных

окладов и поместного жалования двух предыдущих осадных голов Т. Рогинина и Я. Левыкина (сыну последнего к тому же удалось сохранить за собой высокий социальный статус отца). Без сомнения М. Андреев, наблюдая эти примеры, стремился добиться подобного успеха. Так, Я. Левыкин находился на этом посту довольно длительное время (возможно, более 10 лет), что позволяет предположить, что он пользовался уважением местной служилой корпорации. Кроме того, ему удавалось ладить и с воеводами, которых при его пребывании в должности сменилось не менее четырех. (На отсутствие на юге конфликтов с воеводами со стороны осадных голов в отличие от казачьих и стрелецких сотников обращал внимание В.Н. Глазьев⁸⁰).

Федор Митрофанович Ананьевский записан осадным головой в 1645 г. Он был верстан в дети боярские в 1627/28 г. с окладом 150 ч. и 5 р., в начале 1640-х гг. оклад составлял уже 250 ч. и 11 р. При этом сын Афанасий (в детях боярских с 1647/48 г. с окладом 200 ч. и 7 р.) и внук Петр (в детях боярских, затем в копейщиках) особых высот в служебной иерархии не достигли.

Иной случай – Стрельниковы. Федор Гаврилович назначен осадным головой в 1666 г.⁸¹ и занимал эту должность по меньшей мере по вторую половину 1670-х гг. По-видимому, в этом ему помог статус отца, записанного по дворовому списку. Стрельниковы – целая династия оскольских служилых людей, которым в отличие от многих других удалось выстроить долгосрочную стратегию, из поколения в поколение сохраняя высокие позиции в уездной служилой иерархии. Так, дети Федора – Яков и Федор – с конца XVII в. служили подьячими в Оскольской приказной избе, имели поместья в нескольких селениях уезда и работников⁸². Отличились и другие члены рода Стрельниковых по боковым ветвям. Следует обратить внимание, что родственный клан Кондауровых выбрал похожую стратегию: несколько членов этого рода в конце XVII в. также служили подьячими (площадными и приказной избы).

По совокупности источников можно говорить о том, что к концу XVII в. значимость осадного головы в уездной иерархии постепенно снижалась, хотя возможности использовать служебное положение сохранялись. Так, Осип Емельянович Хлоповской, служивший в копейщиках с 1686/87 г., в 1690 г. записан осадным головой. В 1690/91 г. он подал челобитную о разрешении построить на оброк воскобойню

в стрелецких и пушкарских дачах, в которой просил запретить держать восковые станки в других селах и деревнях⁸³. Чем не использование служебного положения... В 1697 г. оброк за нее составил 75 коп. Осип вскоре умер, а за его родным братом Евлампием и сводным Иваном к 1697 г. помимо воскобойни осталась мельница, расположенная между стрелецкими и пушкарскими дачами (пошлин 75 коп.), три лавки и поместья в пяти селениях общей площадью 110 ч.⁸⁴ Евлампий с сер. 90-х гг. числится торговым человеком, а в 1702 г. копейщиком.

Тот факт, что местом постройки были выбраны пушкарские дачи, объясняется тем, что их отец Емельян служил пушкарем. Он записан в документах со 2-й пол. 1660-х по конец 1680-х гг. Уже в 1668 г. числится целовальником⁸⁵. В середине 80-х гг. (ближе к окончанию военной карьеры) его дети уже взрослые – Осипу около 30 лет, Евлампии более 20. В этом примере видно, что должность осадного головы и обеспеченная ей монополия позиция в торговле позволили этой семье менее чем за десятилетие обеспечить существенно расширить поместные владения и сформировать торговый капитал (мельница, воскобойня, три лавки).

Таким образом, можно заключить, что и должность осадного головы сама по себе не гарантировала каких-либо материальных преимуществ, но при должной смекалке помогала решить многие вопросы и сулила неплохие перспективы личного обогащения.

Наконец, отношения родства и свойства, а также неформальные связи без сомнения сыграли положительную роль при построении карьеры М. Андреева. Приведенные выше примеры иллюстрируют взаимную поддержку родственных кланов со стороны Стрельниковых и Кондауровых и покровительство Я. Левыкина.

Подводя итог, думается, что успех М. Андреева был обеспечен комбинацией факторов. Его деловая хватка, местами использование подлога или обмана, вкупе с поддержкой дружественных кланов и благоволением осадного головы и воевод позволили ему совершить такую головокружительную, хотя и непродолжительную карьеру. Для обеспечения долгосрочной стабильности М. Андреев избрал стратегию территориальной экспансии – увеличение своего земельного капитала за счет поместных дач от государства. Методом реализации стали особым образом составленные прошения-челобитные, поданные в нужное время и нужными путями.

В сложившемся социуме служилых городов юга России практика укрепления своего имущественного положения путем получения освободившихся поместий соседей с целью повышения общей устойчивости рода была повсеместным явлением. В столбцах Поместного приказа сохранились тысячи подобных челобитных, поданных детьми боярскими. Уследить за отсутствием нарушений во всех этих делах дьякам московских приказов было нереально, поэтому мы нередко обнаруживаем особо сметливых представителей служилого сосло-

вия, активно использовавших лакуны в применявшихся процедурах в свою пользу. Высокая должность в служилой иерархии облегчала успех операции, поэтому была привлекательной целью (и предметом борьбы) для отдельных кланов и представителей уездной служилой корпорации. Возможности вертикальной социальной мобильности на юге России в рассматриваемый период предоставляла почти исключительно военная служба, а также местные органы управления (например, чин подьячего приказной избы).

¹ Пример верстания в дети боярские группы казаков и стрельцов («меньших чинов») в количестве 200 человек в конце 1640-х гг. рассмотрен в статье: Евсюков Д.Е. Массовое верстание яблоновских казаков и стрельцов в дети боярские в 1646–1648 гг. (на примере помещиков деревни Кузькин Верх) // Белгородская черта. Вып. 7. Белгород, 2022. С. 52–60.

² Лаптева Т.А. Поверстание в дети боярские представителей других сословий. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке // Отечественная история. 2003. № 5. С. 81–96.

³ Ляпин Д.А. Основные поведенческие модели населения Белгородской черты в середине XVII в. // Былые годы. 2021. № 16(2). С. 452–460.

⁴ Мизис Ю.А. Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период его заселения в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 106–113.

⁵ Глазьев В.Н. Конфликты администраторов городов-крепостей Юга России в XVII в.: поводы, механизмы разрешения // История: факты и символы. 2022. № 2(31). С. 69–77.

⁶ Петров К.В. Социальная (сословная) мобильность дворян и детей боярских в России второй половины XVI–XVII вв. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. М., 2021. С. 222.

⁷ Жуковская А., Акельев Е. Из казаков во дворяне: Шагаровы, микроистория социальной мобильности в России, XVII–XVIII вв. // Cahiers du Monde Russe. 2016. Т. 57. № 2–3. С. 457–504.

⁸ Kollmann N. Sh. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, Stanford University Press, 1987, p. 124.

⁹ До 1655 г. уезд носил название Оскольский.

¹⁰ Амбарова П.А. Жизненные и поведенческие стратегии в зеркале общностного подхода // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана, Екатеринбург, 19–20 марта 2015 года. Екатеринбург, 2015. С. 624, 626.

¹¹ Кузьмина М.В. Человек и общество: формы реализации личности в Средние века (по материалам Франции XIV века) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 4(16). С. 23.

¹² Краткие примеры реализации такой стратегии, направленной на увеличение размера поместных дач, приведены в статье: Камараули Е.В. Поместное землевладение на Юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 78.

¹³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–103 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 342. Л. 147 об.

¹⁴ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том III / Сост. А.В. Антонов. М., 2002. С. 18.

¹⁵ Глазьев В.Н. Осадные головы в городах южно-го российского пограничья в XVII в. // Белгородская черта. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 44–49.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15397. Л. 299 об. – 301.

¹⁷ Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 174.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 182.

¹⁹ Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Отв. ред. С.И. Котков. М., 1977. С. 190, 191, 199.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34767. Л. 191–194.

²¹ Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 224. Л. 129. Л. 4 об.

²² Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34767. Л. 195.

²³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. Л. 258. Ф. 210. Оп. 9. Д. 99. Л. 46–49.

²⁴ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу, Д. 34721. Л. 15.

²⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 11. Л. 47.

²⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 342. Л. 109 об. – 111.

²⁷ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34781. Л. 300, 307.

²⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 4. Д. 218. Л. 123.

²⁹ Там же. Оп. 12. Д. 9. Л. 341–347.

- ³⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 342. Л. 23 об., 24 об., 32.
³¹ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34781. Л. 308. Там же. Ф. 210. Оп. 14. Д. 94. Л. 154 об.
³² Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 117. Л. 8–9.
³³ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 342. Л. 133.
³⁴ Там же. Столбцы по Воронежу. Д. 34781. Л. 146, 157.
³⁵ Там же. Л. 151.
³⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 8. Л. 142 об.
³⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 343. Л. 231.
³⁸ Там же. Л. 289 об.
³⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 15. Л. 49–51.
⁴⁰ Там же. Оп. 21. Д. 8. Л. 101 об.
⁴¹ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34721. Л. 159.
⁴² Там же. Д. 34767. Л. 400–404.
⁴³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 662. Л. 77.
⁴⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 80. Л. 205.
⁴⁵ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34715. Л. 2.
⁴⁶ Там же. Л. 1–16.
⁴⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 343. Л. 208–209 об., 224 об. – 225 об.
⁴⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 250.
⁴⁹ Там же. Оп. 6ж. Д. 287. Л. 10.
⁵⁰ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34721. Л. 174–188.
⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 12287. Л. 485–488 об.
⁵² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 22. Л. 61 об.
⁵³ Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 224. Л. 129.; Оп. 13. Д. 80. Л. 198–212.
⁵⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 12287. Л. 237–240.
⁵⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 80. Л. 198, 212.
⁵⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.
⁵⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 343. Л. 229–230.
⁵⁸ Там же. Л. 375–378 об.
⁵⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 117. Л. 7–14.
⁶⁰ Там же. Оп. 12. Д. 103. Л. 302.
⁶¹ Там же. Д. 88. Л. 21.
⁶² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 24. Л. 61.
⁶³ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 117. Л. 192.; Ф. 233. Оп. 1. Д. 23. Л. 312 об.
⁶⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 12287. Л. 449–452.
⁶⁵ Там же. Столбцы по Воронежу. Д. 34860. Л. 109.
⁶⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 221. Л. 272 об.
⁶⁷ Там же. Оп. 8. Вяз. 1. Д. 25. Л. 10.
⁶⁸ Там же. Д. 26.
⁶⁹ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34781. Л. 311.
⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 12287. Л. 746–752.
⁷¹ Там же. Л. 972–975.
⁷² Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 343. Л. 231 об.
⁷³ Там же. Оп. 2. Д. 12287. Л. 820–426.
⁷⁴ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Воронежу. Д. 34781. Л. 293–311.
⁷⁵ Там же. Д. 34860. Л. 108–120.
⁷⁶ Там же. Д. 34822. Л. 244.
⁷⁷ Там же. Л. 248.
⁷⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 21. Д. 8. Л. 98–107.
⁷⁹ Раздорский А.И. Торгово-промышленные объекты Белгорода в XVII веке (по материалам городских оброчных книг и приходо-расходных книг Разрядного приказа) // Белгородская черта. Белгород, 2017. С. 68.
⁸⁰ Глазьев В.Н. Осадные головы ... С. 49.
⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 152. Л. 116 об.
⁸² Там же. Оп. 12. Д. 1478. Л. 754.
⁸³ Там же. Оп. 14. Д. 44. Л. 54–56.
⁸⁴ Там же. Оп. 12. Д. 1587. Л. 181.; Оп. 8. Вяз. 21. Д. 7. Л. 3–3 об., 5, 11 об. – 12.
⁸⁵ Там же. Оп. 6 д. Д. 17. Л. 103.

